

Когда Лу Синвань очнулась, во рту было полно земли.

Она помнила, как засиживалась на работе сверхурочно: презентацию правили уже раз в двадцать третий, а руководитель по продукту всё ещё тегал её в рабочем чате. Она ответила: «Завтра точно сделаю», и затем... затем не было ничего.

Нет. Кое-что было.

Землетрясение. Она помнила землетрясение.

Она помнила, как трещал потолок, как мать бросилась прикрыть её собой, и как она сама крикнула: «Ты никогда меня не понимаешь!» — эхо ссоры, случившейся всего минуту назад. А потом весь мир рухнул.

Теперь она лежала ничком на земляном склоне.

На ней была грубая, царапающая кожу одежда, похожая на костюмы для исторических постановок из музея, но в сто раз более ветхая, сплошь состоящая из заплат. Вокруг сновали люди. Нет, они не просто шли.

Это были беженцы.

Семьями, истощённые донельзя, с пустыми глазами. Кто-то толкал ручную тачку, на которой была свалена вся нехитрый скарб. Кто-то нёс на спине ребёнка, а тот даже не плакал — у малыша не осталось сил даже на слёзы. Вдалеке поднимался дым — то ли от очагов, то ли от сожжённых домов.

Какая-то старуха присела на корточки рядом с ней и плакала так, что не могла перевести дыхание.

— Девочка, ты наконец-то очнулась. А твой отец... он прошлой ночью не выдержал...

Лу Синвань ещё не успела прийти в себя, как заметила у обочины тело, накрытое циновкой. Из-под края циновки виднелись две стопы в рваных соломенных лаптях с чёрными ногтями на пальцах.

Она инстинктивно шалыхнула рукой по карманам — телефон. Телефона не было. В кармане обнаружилась лишь одна твердая вещица, нащупав которую, она вытащила её наружу: нефритовая подвеска мутного оттенка на красном шнурке.

Не её вещь.

Не её одежда. И не её тело — она опустила взгляд на собственные руки. Худые, с выпирающими суставами, а под ногтями забились чёрная грязь.

Это были не её руки.

Она резко села́, в голове гудело.

Старуха продолжала причитать:

— Отец ушёл, и мать твоя тоже при смерти... Девочка, что же нам делать...

Лу Синвань заставила себя успокоиться. Она менеджер по продукту, и её работа — находить порядок в хаосе. Шаг первый: сбор информации.

— Где мы? — её голос звучал хрипло, совсем чужой.

— Ты что, умом тронулась? Мы из Лояна вышли, почитай, уж с месяц как идём. Впереди Гуйдэ-фу.

Лоян. Гуйдэ-фу.

Она повернула голову на запад и увидела на старой соере у дороги вырезанную строчку. Краска ещё свежая, кора сбелела добела:

— Март четырнадцатого года правления Чунчжэня, великая засуха в Гуйдэ-фу.

Она уставилась на эту надпись секунд на три.

Чунчжэнь, четырнадцатый год. 1641 год нашей эры. Поздняя Мин.

Она учила историю династии Мин: в старшей школе это был обязательный предмет, а в университете она ещё раз взяла курс по выбору. Что означал четырнадцатый год правления Чунчжэня, она понимала слишком хорошо.

Ли Цычэн только что разгромил правительственные войска в Хэнани, убив шэньсийского генерал-губернатора Фу Цзунлуна, и его мощь была на пике. Чжан Сяньчжун буйствовал в Хугуане. Близилась великая битва за Суншань и Цзиньчжоу в Ляодуне. Великая империя Мин пылала со всех трёх сторон, а всего через три года император Чунчжэнь повесится на Угольной горе.

Она попаданка.

Она перенеслась в одну из самых трагических эпох китайской истории.

Она ещё не успела переварить этот факт, как её окружили трое мужчин.

Одета они были ещё хуже, чем она, но глаза горели — тем самым блеском, который рождается от голода. Главарь с косматой бородой ухмыльнулся, и в щели между зубами у него застрял кусочек какой-то зелени.

— Мелкая, а ну отдай брательникам лепёшку, что у тебя в руке?

В её кулаке действительно зажата половина лепёшки, твердая, как камень, — схваченная неизвестно в какой момент.

Старуха со страху вжалась в землю.

Мозг Лу Синвань закончил анализ за три секунды.

Противник: три человека, физически явно сильнее неё.

Свои силы: одна двадцатилетняя девица, только что пришедшая в себя, плюс полуживая старуха.

Вывод: ввязываться в драку — верная смерть.

Она быстро окинула взглядом обстановку: узкая дорога, слева толпа беженцев, справа высохший ров глубиной примерно в человеческий рост. На тропе валялась перевернутая сломанная тележка, колесо которой всё ещё крутилось.

— Держите, — сказала она.

Бородач ухмыльнулся:

— То-то же...

Она со всего маху пнула борт тележки.

Тележка и так стояла неустойчиво, от этого пинка она кувыркнулась и перегородила узкую дорогу посередине, торча вверх оглоблей словно преграда.

Трое головорезов на миг замерли.

Воспользовавшись этой секундой, Лу Синвань потащила старуху за собой и прыгнула в ров.

Ров был неглубоким, но с крутыми склонами. Ухватив старуху за руку, она в три погибели пробежала вверх по течению десятка два шагов, свернула в небольшое углубление и присела на корточки.

Сверху донеслись ругательства:

— Мать твою! Куда побежали!

Шаги потоптались у края рва и постепенно затихли.

Три бандита не станут тратить слишком много сил из-за половинке лепёшки. Такова была базовая логика голодных времён: упустил добычу — брось погоню, береги силы.

Старуха дрожала всем телом:

— Дочка... с чего это ты вдруг такой шустрой стала?

Лу Синвань не ответила.

Её руки дрожали. Но разум оставался ясным.

Она попала в прошлое. В позднюю Мин. При ней не было ни телефона, ни кошелька, ни единого современного инструмента. Только нефритовая подвеска неизвестного происхождения да мозг, закаленный бесконечными ТЗ и ОКР в интернет-компании.

Старуха наконец-то пришла в себя и, вцепившись в её руку, запричитала:

— Дочка, впереди же Гуйдэ-фу. Сказывают, в городе ещё есть зерно...

Лу Синвань посмотрела вдаль.

Очертания городской стены смутно вырисовывались на горизонте — серые, словно затаившийся в диких степях древний зверь.

Она не знала, что ждет её за этими стенами.

Но она точно знала: в эпоху поздней Мин осажденный город бывал куда опаснее дикой степи.

Мать хозяйки тела умерла той же ночью, глубокой заночь.

Умерла тихо. Прислонившись к сухому дереву у дороги, уронив голову набок, с засохшей полоской крови в уголках губ. Лу Синвань просидела рядом всю ночь, наблюдая, как дыхание этой незнакомой женщины слабеет и наконец исчезает.

Она не плакала.

Не потому, что не хотелось, — просто она ничего не чувствовала к этому человеку. Но ей было горько от смерти незнакомки. И в то же время она испытывала лёгкий укол вины за собственную холодность.

Наступило утро.

Толпа беженцев снова пришла в движение, напоминая серую реку.

Лу Синвань передала старуху на попечение какой-то семьи по соседству, выглядевшей ещё сносно — у тех оставалось полмешка зерна, должно хватить до города. Старуха цеплялась за её руки и никак не отпускала:

— Дочка, а ты как же одна?

— Справлюсь, — ответила та.

И ей действительно предстояло остаться одной. Социальные связи прежней хозяйки тела — родители — все погибли. В эту эпоху одинокая женщина — самое незащищённое создание на свете.

Но она не была обычной женщиной этой эпохи.

Она присела на корточки у дороги, сломала сухую ветку и принялась вычерчивать на ровной полоске земли.

Это была привычка, выработанная в интернет-компании: любая проблема сначала подлежит декомпозиции.

Список задач:

1. Вода — Срочно и важно — Без воды не прожить и трёх дней.
2. Еда — Срочно и важно — Осталась полвинка лепёшки, хватит на день.

3. Безопасность — Срочно и важно — Одной слишком опасно.

4. Информация — Важно, но не срочно — Что это за место? Какова обстановка?

5. Союзники — Важно, но не срочно — Нужно найти на кого опереться.

Матрица приоритетов. На работе в компании она рисовала такое каждый день. Кто бы мог подумать, что однажды это пригодится на дороге беженцев.

Глядя на этот рисунок, она горько усмехнулась.

Затем она приступила к выполнению первой задачи: поиск воды.

Все беженцы шли по большой дороге, потому что большая дорога вела к городу. Но она обратила внимание на одну деталь — цвет почвы.

Она немного изучала географию — школьную программу, курс общей географии, гидрогеологию. Возле высохшего русла реки, если почва темнее обычного, это означало, что грунтовые воды залегают близко.

Она сошла с большой дороги и прошла шагов пятьдесят в сторону низины. Земля действительно оказалась темнее — буро-коричневая, влажноватая.

Она присела на корточки и принялась копать веткой. На глубине в пол-ладони почва стала влажной. Стоило копнуть ещё глубже, как проступила вода.

Мутная. С запахом сырой земли. Но это была вода.

Она зачерпнула ладонью и сделала глоток.

Выжила. По крайней мере, сегодня не умрёт от жажды.

Пока она набирала воду в разбитый глиняный кувшин, сзади послышался шорох шагов.

Она резко обернулась.

Десятка два подростков стояли шагах в десяти от неё.

Самый старший на вид лет семнадцати-восемнадцати, худой как бамбуковый шест, но с глазами горящими — тем самым уличным огоньком. Самому младшему едва исполнилось лет

семь-восемь, он прятался за спиной старшего, выставив наружу лишь макушку.

Подросток-бамбук ухмыльнулся:

— Сестрица, одолжи-ка ту половинку лепёшки, а?

Не успел затихнуть его голос, как мелкий щцаг из его свиты уже метнулся вперед, выхватил оставленную на земле лепешку и бросился наутек.

Движения быстрые. Натренированные.

Лу Синвань не стала преследовать его.

Она знала, что не догонит — её нынешнее тело слишком слабо. К тому же погоня бесполезна. Окружи её с десятков ребят, она не справится ни с одним.

Она просто смотрела на них.

Точнее говоря, вела наблюдение.

Их лагерь располагался неподалеку в низине: несколько палок, подпирающих обрывки тряпья — кое-какое подобие шалаша. На земле виднелся след от потухшего костра, но дыма не наблюдалось, а значит, варить им было нечего.

Одежда на них была ещё рванее, чем у неё. Обувь этого бамбукоподобного парня изнасилась до такой степени, что от подошв осталась лишь кожа, примотанная к ногам соломенной веревкой.

Они тоже бежали от бедствия.

И они тоже голодали.

Они украли её лепёшку не из злого умысла, а от голода.

Потратив на наблюдение около полустакана чаю — в эпоху Мин это составляло примерно минут десять, — она встала, отряхнула с рук землю и направилась к их стояну.

Парень-бамбук настороженно вскинулся, сжимая в руке заточенную палку.

— Не подходи.

— Вы выбрали не то место для лагеря, — сказала Лу Синвань.

Бамбуковый парень опешил:

— Чего?

— Вы разбили лагерь в низине. Вон посмотрите на ту землю, — она указала на край впадины, — видны следы размывов. Это значит, что раньше здесь текла вода. Сейчас засуха, всё пересохло. Но вчера вечером я видела скопление воды в верховьях — если ночью пройдет дождь или прорвет запруду, ваш лагерь посреди ночи смоем.

Выражение лица парня сменилось с настороженного на нерешительное.

Стоявший за его спиной мальчишка робко произнес:

— Братец Анюй, вчера вечером я и впрямь слышал журчание воды наверху...

Лу Синвань посмотрела на юношу.

Братец Анюй. Чэнь Анюй.

Она запомнила это имя.

— Идёмте со мной, — произнесла она. — В двухстах шагах к северу есть высокий участок. Там не дует ветер, сухо, и рядом тот источник, что я только что раскопала. Это раз в десять безопаснее, чем здесь.

Чэнь Анюй уставился на неё:

— Ты ещё кто такая? С какой стати нам верить тебе?

— Можете не верить, — Лу Синвань развернулась и пошла прочь. — Сами увидите нынче ночью.

Она ушла.

Не оглядываясь.

Это был переговорный навык, усвоенный в интернет-компании: чем меньше бегаешь за людьми, тем охотнее они бегут за тобой.

В ту ночь действительно пошла вода.

Не великий потоп — в верховьях прорвало запруду, и вода хлынула по низине. Неглубоко, по щиколотку, но этого с лихвой хватило, чтобы превратить лагерь Чэнь Анюя в грязевое болото.

Шпана в суматохе принялась спасать пожитки — впрочем, какие там пожитки, несколько палок да пара лоскутов тряпья.

А Лу Синвань развела костер на высоком месте.

Специально развела. Чтобы они видели.

При свете пламени она сидела в одиночестве, рядом плескалась добытая днем вода и лежала горсть диких овощей, сорванных по дороге — незнакомый вид, но на вид вроде не ядовитый; она отщипнула крошечный кусочек и прижала языком, горечи не было, значит, съедобно.

На рассвете следующего дня.

Она услышала шаги.

Чэнь Анюй вместе со своими беспризорниками стоял под холмом.

Его волосы были влажными — ночью изрядно вымокли. Выражение лица выдавало неловкость, словно ему потребовалось принять тяжелейшее решение, чтобы заговорить.

— То место, о котором ты толковала... — он поскрёб затылок. — Местечко-то ещё найдется?

Лу Синвань посмотрела на него.

Семнадцать лет. В 2024 году парень в таком возрасте учился бы в десятом классе и переживал из-за итоговых экзаменов.

А в 1641 году этот мальчишка был вынужден вести за собой десяток малышей-беженцев, выживая за счет воровства и собирательства.

— Найдется, — ответила она. — Но с одним условием.

— Каким условием?

— Больше не воровать мои вещи. Захочешь есть — спроси меня.

Лицо Чэнь Анюя покраснело.

— ...Ладно.

— И ещё, — она поднялась, отряхивая пыль с одежды. — Я тебе не сестрица. Зови меня...

Она подумала секунду:

— Зови меня господин Лу.

Чэнь Анюй скривил губы:

— Сама-то соплячка зеленая, а туда же — господин?

— Какое тебе дело до моего возраста?

— ...Ладно уж. Господин Лу.

Произнося эти два слова, уголки его губ слегка приподнялись — с оттенком упрямства, но и с чем-то неопределенным.

Лишь позже Лу Синвань поняла, что это неопределенное именовалось доверием.

Пусть совсем крошечным.

Но для начала этого хватало.

Городские ворота Гуйдэ-фу были распахнуты.

В смутное время это не сулило ничего хорошего — значит, ворота уже невозможно запереть. Либо не хватало гарнизона, либо поток входящих и выходящих был настолько велик, что затворы не справлялись.

Когда Лу Синвань вместе с ватагой детей вошла в городские ворота, первое, что бросилось ей в глаза, были не дома, а люди.

Люди были повсюду.

Сидевшие вдоль улиц, лежавшие у подножий стен, сбившиеся в кучки по переулкам в попытке

согреться. Большинство — беженцы, точно такие же, как за городской стеной: изможденные, в лохмотьях, с потухшими взглядами. Но между горожанами и теми, кто остался снаружи, была разница: те на загородных дорогах еще двигались, а эти в городе уже не могли идти.

Они остановились. Потому что наивно верили, будто в городе найдется зерно.

Однако цены на зерно внутри стен подскочили ровно в десять раз по сравнению с прошлым годом.

Чэнь Анюй шагал рядом с ней и тихо проговорил:

— Я здесь уже бывал дважды. В прошлый раз обчистил одну зерновую лавку — меня оттуда потом чуть до смерти не избili.

— В этот раз воровать не придется, — ответила она.

— А что тогда жрать?

— Сперва осмотримся.

Она обошла центральную улицу, наблюдая за городом в лучших традициях продуктового менеджера, проводящего конкурентный анализ: шесть лавок с зерном, три закрыты; две аптеки, обе работают, но покупателей нет — лекарства никто не может позволить; одна кузница, там звонко стучат молотки; лавки тканей, трактиры, чайные — все заперты наглухо.

Город, который рушился, но еще не рухнул окончательно.

Время еще оставалось.

Пока она наблюдала, впереди раздался шум.

У входа в зерновую лавку.

Толпа голодающих перекрыла вход, кто-то кричал, кто-то плакал. Работники лавки с палками в руках встали на пороге с видом готовых «забить до смерти каждого, кто сунется».

Чуть в стороне от толпы бранился старик.

Лет пятидесяти восьми на вид, крепкого телосложения, но слегка сгорбленный, всё лицо в шрамах от ножей, а на левой руке — Лу Синвань обратила внимание — не хватало двух пальцев. На нем была выцветшая старая военная форма, за пояс засунут ржавый тесак.

— Проваливайте! Все пошли вон отсюда! — старик размахивал правой рукой, прогоняя народ.
— Встаньте в очередь! По одному! Кто, мать вашу, полезет без очереди, тому голову снесу!

Ругался он страшно, но голодающие, казалось, совсем его не боялись — видимо, привыкли к брани. Какая-то истощенная женщина сквозь слезы закричала:

— Старик Цинь, у меня ребенок три дня крошки во рту не держал...

— Три дня? — старик — Цинь Ху — фыркнул. — Да я, когда служил в Ляодуне, по семь дней голодал и всё равно воевал! А ну марш в конец очереди!

Его язык был острее тесака. Но в его глазах — Лу Синвань подметила — когда женщина отвернулась, мелькнуло что-то мягкое.

Старый вояка с жестким языком и мягким сердцем.

Пока она наблюдала, изнутри зерновой лавки донесся другой голос.

— Управляющий Чжоу, ваши счета не сходятся.

Голос звучал тихо, уверенно, с присущей благородным девицам неторопливой рассудительностью.

Лу Синвань протиснулась сквозь толпу и увидела говорящую.

Молодая девушка, лет чуть за двадцать. Одежда старая, но чистая, волосы причесаны волосок к волоску, на талии повязан выцветший шелковый пояс — по виду происходила из знатного семейства, хотя род явно обеднел. Пальцы тонкие, но на суставах мозоли — не похожи на руки девицы, державшей в жизни лишь кисть для письма.

Она сверяла книги с торговцем зерном.

— Извольте взглянуть, — управляющий Чжоу давил улыбку, но лоб его покрылся испариной. — Барышня Су, цены на зерно устанавливает гильдия, а не моя лавка...

— Я не о ценах на зерно, — Су Цзиньшу — служанка назвала ее барышней, и Лу Синвань это расслышала — говорила спокойно. — Я говорю об остатках. В прошлом отчете властям вы заявляли восемьсот ши зерна на складе, однако мои люди подсчитали, что общий объем ваших продаж за этот месяц уже перевалил за восемьсот ши. Либо вы тогда занизили цифры, либо... у вас есть тайные амбары.

Лицо управляющего Чжоу изменилось.

Глаза Лу Синвань вспыхнули.

Эта Су Цзиньшу — не промах. Она вела переговоры с торговцем зерном по законам логического анализа данных. Пусть она и не знала слов анализ данных, но интуитивно ухватила главное противоречие: цифры в отчете и фактическая отгрузка не совпадали.

Но у нее не доставало железных доказательств.

Управляющий Чжоу уже взял себя в руки:

— Барышня Су шутит. Откуда у меня тайные амбары...

Лу Синвань протиснулась вперед.

— Я помогу тебе посчитать.

Су Цзиньшу повернулась и посмотрела на нее. Управляющий Чжоу тоже уставился на нее. Все в лавке уставились на нее.

Молодая женщина в рваном платье, худая как лучина.

Управляющий Чжоу нахмурился:

— Ты еще кто такая?

Лу Синвань проигнорировала его. Она взяла со стойки бухгалтерскую книгу — управляющий Чжоу попытался перехватить её, но Су Цзиньшу невозмутимо прижала книгу рукой и бросила на него взгляд. Тот отдернул пальцы.

Лу Синвань раскрыла книгу и бегло просмотрела страницы.

Её мозг зашевелился.

Это был важнейший навык, приобретенный ею на посту менеджера по продукту в интернет-компании — находить нестыковки в цифрах.

Ей не требовались счёты. Требовались лишь устный счет и логика.

— Первое, — она указала на строку цифр. — Вы завезли товар третьего числа третьего месяца, значит двести ши. Но транспортные расходы записаны на восемь больших повозок. В одну большую тележку помещается максимум двадцать ши, восемь тележек — это сто шестьдесят ши. Не хватает сорока ши — откуда взялись эти сорок ши?

Уголок рта управляющего Чжоу дернулся.

— Второе. У вас указан коэффициент выхода зерна в восемьдесят пять процентов. Восемьдесят пять процентов от двухсот ши — это сто семьдесят ши. Но общий объем ваших поставок за третий месяц... — она перелистнула пару страниц, пальцы заскользили по строчкам, производя в уме расчеты, — в сумме дает сто девяносто два ши. Лишних двадцать два ши. Либо ваши объемы закупок поддельные, либо подделан коэффициент выхода.

Она подняла голову.

— Третье. Самая большая ваша глупость в том, что вы слишком гладко подделали отчетность. В настоящих бухгалтерских книгах коэффициент выхода зерна не может каждый месяц быть ровно восемьдесят пять процентов, всегда есть колебания. Ваш показатель — выдумка.

В лавке воцарилась тишина.

Лицо управляющего Чжоу из красного стало белым, а из белого — зеленоватым.

Су Цзиньшу смотрела на нее.

Блеск в её глазах — то была не благодарность, а оценка. Словно интервьюер, изучающий неожиданное резюме.

— Ты... — губы управляющего Чжоу дрожали. — Ты возводишь напраслину! Эй, стража...

— Какая стража? — холодно произнесла Су Цзиньшу. — Хотите, чтобы весь город пришел посмотреть на ваши амбарные книги?

Управляющий Чжоу умолк.

Спустя четверть часа цены на зерно снизились на тридцать процентов.

Су Цзиньшу и Лу Синвань вышли из лавки. На улице по-прежнему стояла очередь за зерном, но цены были уже другими.

Пройдя несколько шагов, Су Цзиньшу остановилась и повернулась к ней.

— Как тебя зовут?

— Лу Синвань.

— Откуда ты?

Лу Синвань помедлила.

Она же не могла сказать я из 2024 года.

— Из очень далеких мест, — ответила она.

Су Цзиньшу не стала допытываться. Она долго всматривалась в Лу Синвань — так смотрят на еще не ограненный нефрит.

— Тот способ подсчета... — произнесла Су Цзиньшу. — Я никогда прежде не видела ничего подобного.

— У нас... это обычное дело.

— А где это у вас?

Лу Синвань улыбнулась.

Су Цзиньшу больше ничего не спросила.

<http://bllate.org/book/21208/2146537>